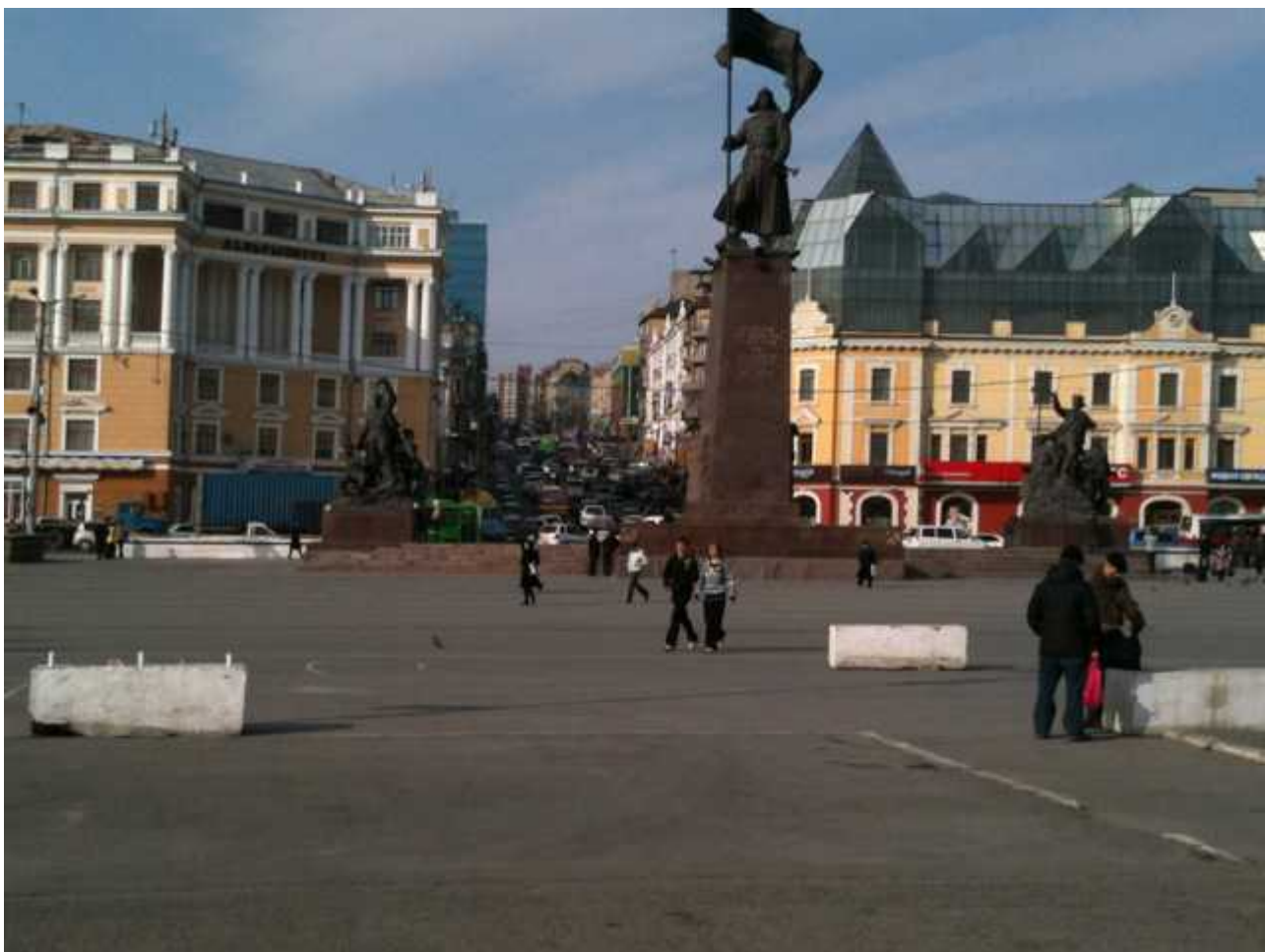

От Санкт-Петербурга до Владивостока, или от одного до другого "окна" евразийской империи | De Saint- Pétersbourg à Vladivostok, ou d'une fenêtre à l'autre de l'empire eurasien

Автор: Жорж Нива (Перевод Н. Сикорской), [Женева](#) , 07.05.2012.

Центральная площадь Владивостока с памятником борцам за власть советам (© Georges Nivat)

Недавно почетный профессор Женевского университета [Жорж Нива](#) провел месяц в России, путешествуя по Сибири и Дальнему Востоку. Предлагаем вашему вниманию первую часть его путевых заметок.

|

Georges Nivat, professeur honoraire de l'Université de Genève, a passé un moi en voyage en Sibérie et l'Extrême Orient russe. Voici la première partie des ses impressions.

De Saint-Pétersbourg à Vladivostok, ou d'une fenêtre à l'autre de l'empire eurasien

Санкт-Петербург – Владивосток. Два крупных российских города, наиболее удаленных друг от друга. Десять тысяч километров по прямой или 11 часов полета. Первый был основан в 1703 году императором Петром Первым, второй, в 1860-м, графом Николаем Муравьевым-Амурским, государственным деятелем, с 1847 по 1861 году служившим генерал-губернатором Восточной Сибири.

Два искусственных города, один в устье Невы, «окна» России одно в Европу через Балтийское море, второй - окно на Японское море через пролив Петра Великого... Петр, император-основатель великодержавной России, присутствует на двух концах огромной державы.

*Ветер душный и суровый
С чёрных труб сметаёт гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.*

Применимы ли эти строки Ахматовой к «другому концу» огромной дуги земли? Да, император интересовался восточными окраинами. Но его сестра, регентша Софья, еще в 1689 подписала с Китаем Нерчинское соглашение, запрещавшее русским доступ к Японскому морю. Они должны были оставаться к северу от Станового хребта, но сохраняли подступы к Охотскому морю, названному так по имени казачьего форта. Пришлось Петру признать это ограничение. Но, страстно интересуясь географией, он хотел знать, соединяется ли Камчатка с Аляской. В 1720 году он в первый раз отправил Беринга, обрусевшего датчанина, на Алеутские острова, в 1725 году во второй раз – два года уходило тогда на то, чтобы добраться до Охотского моря наземным транспортом, в сопровождении флотских плотников. Петр не успел ознакомиться с выводами Беринга, установившего, что Камчатка с Аляской не соприкасается и добравшегося до Аляски (до 1866 года принадлежавшей России). Экспансионистская политика будет продолжена Николаем Первым, воспользовавшимся ослаблением Китая и захватившим северный берег великого Амура. Сегодняшние границы были, наконец, определены договором с Китаем 1860 года. Согласно ему, северный берег Амура и восточный берег Уссури оставались за Россией: Россия на Far East приобретала окончательные очертания, под углом вокруг стечения Амура и Уссури. Петр Великий мог перестать морщить нос...

Самые последние детали границы между Россией и Китаем были уточнены совсем недавно, в 2009 году, договором, положившим окончательный конец спорам благодаря уступке нескольких островов на реке Амур. Такое не повторится с Японией (в былинах – «Опония»). Не стоит ожидать в ближайшем будущем возвращения ей трех Курильских островов. С Китаем дела обстоят хорошо, хотя есть трудности в области экологии – Амур очень загрязнен, вот уже несколько лет купание в нем

запрещено от Благовещенска до Хабаровска (а это тысяча километров). И оба лагеря организуют все новые дискуссии и сваливают вину друг на друга, но китайцы очень жесткие и умелые дипломаты.

Проехать от Санкт-Петербурга до Владивостока – это, прежде всего, измерить необъятность России. И не сравнить, конечно, мою поездку с поездкой французского слависта Жюль Легра в 1891, когда железная дорога не доходила до Иркутска... Сибирь тогда рождалась: каторжники, эмигранты, золотоискатели, польские ссыльные... Сегодня все по сравнению устойчивее, наверно, однороднее. С какой-то точки зрения Россия «устроилась», и можно удостовериться, что все в бывшем Восточно-Сибирском Генеральном губернаторстве – русское: театры, филармонические залы и сделанные на европейский лад музеи. Россия вобрала в себя небольшие обрусевшие народности (среди них наибольшее значение имеют якуты, живущие к северо-востоку от озера Байкал). Культура этих народностей продолжает жить в богатейших этнографических музеях края.

Вообще, с музейной точки зрения, Россия однородна от одного «окна» до другого. В 1930-е годы Сталин даже изъяснял из запасников Эрмитажа картины французской, голландской, немецкой и итальянской школ, чтобы у всех крупных городов его империи были свои Эрмитажи. Один из примеров – открывшийся в начале 1930-х годов Музей изобразительных искусств Хабаровска. Современный режим усилил это культурное единство, воссоздав сеть православных церквей с их «луковицами». В Хабаровске их даже добавили, и в городе теперь красуются два новехоньких храма. Есть тут и то, что Роман Якобсон называл *usus russicus*, манера жить, пить, работать, чередовать истерию с долгими периодами апатии, манера жить, которая объединяет Россию от одного океана до другого, хоть сибиряки, не знавшие крепостничества, более независимы.

И при этом географический и культурный контекст изменился радикальным образом: от Благовещенска до Хабаровска и Владивостока я встречал россиян, которые проводят отпуск в Китае, купаются в Желтом море, покупают китайские продукты и даже, в случае жителей Благовещенска, ездят за покупками в город на другом берегу Амура в безвизовом режиме. Билет на самолет в Европу стоит слишком дорого. Из трех своих соседей им больше всего нравится Китай, в меньшей степени Корея (исключительно Южная), и еще меньше Япония. Япония близка, но дорогая, и сотрудничество с ней тормозится из-за вопроса о Курильских островах. При этом, начиная от Иркутска, у большинства автомобилей руль справа, ведь практически все они привозятся из Японии и Кореи.

В Хабаровске я был на просмотре документального фильма под названием «Беды батюшки Амура» Василия Василенко и Альберта Самойлова, в дискуссии после которого проявились некоторые антикитайские настроения и острые сожаления об отданных островах. А ведь благодаря этому не только вернулся покой на все четыре с лишним тысячи километров российско-китайской границы, но и «русское окно» на Дальний Восток настуже открыто теперь на Китай. Забыты обиды, и обе стороны активно изучают языки друг друга и сентиментально вспоминают русский Харбин. Харбин и прежнюю трассу Транссибирской магистрали, воспетой в 1913 году швейцарским поэтом Блезом Сендраром. Она пролегла напрямую до Владивостока через Манчжурию, через Мекку белых русских эмигрантов после 1918 года, а теперь – объект паломничества туристов. Сендрар в своей «Транссибирской прозе», написанной в эпоху поражения России Японией, путешествовал от Иркутска до Читы,

затем до Харбина, и слышал «в постоянном скрежете колес безумные говоры и вскрики вечной литургии.» При этом он не доехал до конца, так как, по его словам, испугался, да и забыл застраховаться от несчастных случаев на железной дороге...

От редакции: в течение ближайших нескольких дней мы будем публиковать путевые заметки Жоржа Нева в русском переводе, параллельно с газетой Le Temps - на французском. Наши читатели могут ознакомиться с оригиналом заметок в [блоге](#) профессора Нива в Нашей Газете.ch

[швейцарская культура](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/13403>